

ФРАНКОФОННЫЕ ПОЭТЫ АЛЖИРА

в переводе **Кирилла Корчагина**

Мухаммад Диб
(1920–2003)

Диб – один из самых известных франкофонных алжирских писателей и, пожалуй, первый, кто собственным примером доказал, что алжирская литература на французском может быть важна и интересна за пределами собственно Алжира. Он родился на границе Алжира и Марокко, в древнем городе Тлемсене, потом работал учителем в не менее древней марокканской Уджде. Незадолго до сорокалетия Диб, который уже издал свой первый роман, принудили покинуть Алжир, но ему удалось остаться во Франции. Он преподавал в различных университетах мира, в том числе какое-то время в Московском университете, что не мешало ему быть очень плодовитым писателем – автором множества романов из алжирской жизни, многих сборников стихов и т.п. При этом стихи его, как это часто бывает со стихами прозаиков, часто выглядят иллюстрациями к прозе, своего рода ритмическими контрапунктами. Тем не менее без них представление о франкофонной поэзии Алжира было бы неполным.

Странствуя по земле

Когда расколется ночь,
я отдам равнодушие
заостренным горам
и вместе с утром разденусь
как та, что пробудилась
почтить первую воду;

Необычна моя страна, где столько
свободных дыханий,
олив, шумящих вокруг,
и меня, что поет:

– Земля, ты выжжена и черна,
ты мать моим братьям,
твой сын не будет наедине
с эпохой, когтящей сердце;
Послушай мой голос,
тянущийся сквозь деревья,
заставляя реветь быков.

Это летнее утро настало,
куда ниже, чем тишина,
я как будто беременна,

мать моих братьев,
женщины в хижинах
ждут как я закричу.

Почему, говорят, почему
ты стремишься к чужим порогам
как брошенная жена?
Почему ты бродишь, крича,
женщина, пока дыханье
зари медленно и постепенно
обходит по кругу холмы?

Вот я, и я говорю: – Алжир,
может быть, я только
одна из твоих женщин,
но голос мой не прервется
окликающая равнины и горы;

Я спустилась с Ореса,
так откройте мне двери,
вы, жены братьев моих,
поднесите мне свежей воды,
мёда, лепешку из ячменя;

Я здесь чтобы на вас посмотреть,
Чтобы счастье вам принести,
Вам и вашим потомкам;
Пусть ваши новорожденные

Растут,
пусть растет ваша пшеница,
пусть растут ваши хлеба
пусть всего будет в достатке
и счастье с вами пребудет.

Жан Сенак
(1926–1973)

Жан Сенак с самого начала занимал промежуточное положение между двумя литературами – французской и алжирской. В первой у него было довольно громкое имя: он был многолетним корреспондентом Альбера Камю и Рене Шара, причем последнему он поначалу подражал в своих стихах, а тот, в свою очередь, написал предисловие к его первой книге. В то же время Сенак пропагандировал особый путь алжирской литературы, собрал одну из первых антологий франкофонной поэзии региона, которую, с его точки зрения, традиция французского модернизма и авангарда могла только обогатить. Поэзия для него была неразрывно связана с политикой, однако в отличие от многих других алжирских поэтов, сочинявших рифмованные агитки, политика в его стихах относительно редко заслоняла поэзию, хотя в поздние годы его манера, изначально изоциренная и утонченная, и стала более прямолинейной. С Сенака началась недобрая традиция загадочных смертей

алжирских литераторов: его убийство так и не раскрыли, а спустя годы также было убито еще несколько ярких поэтов, занимавших непримиримую политическую позицию.

Легенда

Каменщик, я мог бы попробовать стать им.
Здесь нет недостатка в камнях.
Нужно только привыкнуть к синему чертополоху,
к желтому чертополоху и еще к тысяче видов.
Здесь никогда не бывает дождя.
Но и солнце никогда не выходит.
Земля холодна и суха.
Хотя бы немного слюны, но и ее не хватает.

1961

Утренняя песня моего народа

Ты говоришь о чем-то простом
работая по утру
Лес прорастает сквозь голос
и деревья так высоки что разрывается сердце
от тяжести песни

и теплота полян
праведнику пригодится
ему нужно мирное слово
слово что нам соразмерно.

Из одиночества твоего
явился бродяга он бежит за тобой исполненный тени
он хотел бы писать как ты смотришь
как ты плетешь как ты поешь
принося всем хлеба
козье молоко и манку,
и если в сердце так густо и если грузно в крови
то доброта повсеместна
пылко очарование объединенных людей

Говори же тихий цветок ткач обещаний
предвестье ячменной побудки
скажи скоро сталь горлу откажет
скоро деревня тихо надрежет ночь.

Ты меня учишь думать
чтобы жить так же как ты
Песня утра струясь из мрачных жилищ.

1961

Кáтеб Ясiн
(1929–1989)

Пожалуй, самый известный алжирский писатель, ставший знаменитым благодаря небольшому роману «Неджма» (1956). Слово «катеб» в его псевдониме по-арабски означает просто «писатель», так что можно было бы называть его «Писатель Ясин». Еще подростком он принимал участие в протестах против колониальной администрации и провел несколько месяцев в тюрьме, после чего образование ему пришлось продолжать уже во Франции. Он очень рано прославился благодаря роману, который был переведен на множество языков (есть и русский перевод) и который сделал его иконой международного движения за независимость Алжира. После того как страна обрела независимость, он вернулся на родину, где занимался в основном театром. Умер он лейкемией, немного не дожив до гражданской войны, снова поставившей перед писателями Алжира старые вопросы о политике и творчестве.

Африканцы

Столько раз
Когда солнце садилось
И нам приходилось стрелять
Аскетам избавленным от дилемм
Тайны нашего влияния
Никогда не будут забыты
Мы вернем империю солнца

Погружаясь как перископы
В буруны родной земли
Измельченные так что невидимы
Всплывшие там где времени нет
Среди удивительных возвращенцев
Мы вернем империю солнца

*Сентябрь я снова пошел на Восток
Унывая от последних сирокко в году
Внезапно возникла между морем и
Юными сборщиками мидий эта лгунья
С идеями как провести эту осень*

Я не знал что именно Неджма
Несет посреди проспектов
Что укрывают нас тенью
Втягивая в особую область
Где звездам позволено падать

Анахроничная встреча
На перевернутом небе

Убедительно и пронзительно
 Я блуждаю у входа в пещеру
 Рядом с глубокой мольбой ключей
 Под черными огнями
 Под взглядом в кайме трагических теней
 В чудесном центре всех происшествий.

Лаади Флиси
 (1937–1993)

Флиси в отличие от многих других алжирских писателей имел и другую профессию – он был довольно известным в городе врачом, что позволяло ему не особенно зависеть от литературных институций. Он вырос и прожил всю жизнь в историческом центре Алжира, в так называемой Касбе (буквально это значит – крепость) и многие его произведения посвящены ее узким улицам, то поднимающимся в гору, то спускающимся к морю. Еще двадцатилетним он участвовал в освободительной борьбе и даже был приговорен французскими властями к смертной казни, однако ему удалось выдать себя за сумасшедшего, и казнь была заменена тюремным заключением. После освобождения Алжира его жизнь стала как будто спокойнее: признанный врач и писатель, он по-прежнему жил среди улиц Касбы, в том же доме, где родился. Однако его непримиримая позиция по отношению к набиравшему силу исламистскому движению сделало его одной из первых жертв террора, положившего начало гражданской войне. Он был убит в собственном кабинете.

Дети Касбы

Касба докеров
 отцов семейств
 безработных
 братьев и сестер
 проливающих горькие слезы
 о порядочных людях

Касба проституток
 сутенеров и сводниц
 Белая Касба туристов
 в поисках романтики

Не забудь
 что я был одним из них
 а теперь вдали от тебя
 помню свое лицо в грязи
 порванную одежду
 ноги без башмаков
 своих друзей что звались
 пацанами
 шпаной
 хулиганами

моя юность
и школа где до начала года
я не бывал

Касба пропавших
без вести их ждут на рассвете
братьев их ищут
за героические поступки
их хотят уничтожить
Касба парашютистов
веревочек
грузовиков 120 вольт
замученных детей
расстрелов среди переулков

Касба политиканов
и политиков
головорезов
и телохранителей
Белая Касба придурков
и подхалимов
Касба тюрьмы Серкаджи
революционеров
и безымянных героев

Не забудь
что я был одним из них
а теперь вдали от тебя
я вспоминаю свои двадцать лет
террасы залитые солнцем
внезапные встречи
детей что играют
у ног умирающих братьев
статьи что переходят из рук в руки
весну что лишает уверенности
черные волосы и глаза
наших женщин забывших о смехе
листочка
слёзы что заслоняют солнце
я вспоминаю братьев на митинге
с плакатами в руках
Тюрьму Серкаджи
с ее коридорами, камерами
проходами, конвойными
– побудку
ее бесконечную лестницу
Серкаджи в 1956 году
вместе с моими братьями
моя болезнь и моя юность

Касба, не забудь
что я был одним из них.

Рашид Буджедра
(1941)

Буджедра – писатель-билингв: он в равной мере писал и на французском, и на арабском, переводил свои сочинения с одного языка на другой. Он успел поучаствовать в войне за независимость Алжира, но затем отдался писательским и академическим занятиям – среди прочего защитил диссертацию о Луи-Фердинанде Селине в Сорбонне. Большое внимание публики привлек его первый роман «Отрицание» (1969), где критики замечали влияние стиля Уильяма Фолкнера и Габриэля Гарсия Маркеса. Пламенный атеист, Буджедра, конечно, не мог не раздражать исламистскую часть алжирского общества, так что в какой-то момент даже появилась фетва с требованием его убийства. Тем не менее, радикалам до него дотянуться так и не удалось. Поэзия для Буджедры как и для других алжирских прозаиков – скорее побочный сюжет, однако в его стихах можно найти очень точные картины алжирской жизни.

Площадь мучеников

Мечеть Кетшава что пикирует
Вместе с голосом муэдзина
На прилавки торговцев
Вишнями
Звучная круглая площадь
Что закрывает глаза
Когда видит
Небрежно надетый
Хиджаб
Звучная круглая площадь
Что упрямо поворачивает голову
В сторону высоток

Кафе

Я купил
Пачку сигарет
Журнал
И солнечный луч
Я присел
На террасе
Большого кафе

Я заказал кофе
И расположил
По порядку
Пачку сигарет

Журнал
Солнечный луч
Чашку кофе
Расположился
В кресле
И спокойно
Начал читать
Мгновенье спустя
Я увидел
Пачка сигарет
Журнал
Солнечный луч
Чашка кофе
Построились в ряд
И я спросил себя
Был ли я революционером.

Тахар Джаут
(1954–1993)

Джаут – еще одна жертва террора первых лет гражданской войны. Он родился в Кабилии, исторически берберском регионе Алжира, и берберы, несмотря на то что всю жизнь он писал по-французски, считают его своим. За 39 лет он многое успел: в 1980-е годы он стал известен как журналист, активно защищавший секулярную культуру Алжира. Но и стихи его – одни из самых ярких в поколении: в них он часто обращался к берберской народной культуре (и даже заимствовал оттуда отдельные слова и понятия), противопоставляя ее все более входившему в моду исламизму. Для секулярной части алжирского общества Джаут превратился в одну из самых почитаемых жертв гражданской войны.

Знакомая смерть

Зима это время подсчетов
И взывающих к нам мертвецов.
Вот знакомая смерть с кувшином в руке;
Она тоже любит огонь
И печаль поющих ветров.

Время prepares снасти
Для краев замерзающих соков.
Паруса надувает мужающий ветер,
Детство друзья поработает своими капризами,
В глубинах леса

Где птица поет из ностальгии.
Лес, там спит мой отец
Чтобы растенья питать своим телом,
Чтобы кровь стала родственна сокам

Тополей некогда срубленных им,
А я ношу его бурнус
И его рубленый лик.

И зима наступает снова

Эрг

Я из туманной страны
Где ветер что-то бормочет
Над онемевшими дюнами

Солнца скелет
Уложенный в лужах
Одевает порой наши сны
И намек на весну
(я провел бесконечные ночи зимы
Вместе с горящим хворостом)

и так нравится мне
на этой истрепанной земле
– земле похищенной у света
земле замкнутой в тишине –
где мой пес исчисляет
нырки мандаринок.

Однажды она пришла,
Волоча желтую луну
А в руках держала молочное солнце.
«Приходи, сказала,
у нас не гаснет огонь».

С тех пор
(однажды мой пес навек
заснул под корягами),
 усилился дождь над моим очагом.
Но никогда она не мешала мечтать
О дюнах освобожденных
Порывом кочевника-ветра.

Будет день я приду посидеть у канала,
водопоя верблюдов;
Я приду в поисках *ахалья**
Сладости твоего *илечана***.

*Ахаль – любовное чувство у туарегов.

**Илечан – черное покрывало туарегских женщин.

Белое дерево

Мое богатство
Это снег
И свет его заревой

Я собираю плоды
Деревьев замкнутых белым
И посылаю птиц
Осматривать рамы

Птицы
Мой вестник
В скрытых дуплах деревьев

Птица
Подвижная звезда
Что зажигает снега

Я ожидаю
– спустится небо
на зубцы башен

Я ожидаю
– окутает тень
оцепеневшие дома

когда день целиком
истечет струистым
огнем?
я буду ткать,
ожидая,
золу
умершего лета.